
Автор представлен членом Художественного совета **Дмитрием Мурзиным**

* * *

Крысе было плохо.
Крысу отравили.
Но она не сдохла,
животом по пыли
доползла до миски
с чистой водою.
Облегченье близким
было. Но горою
вдруг вошел хозяин
и нашарил вилы.
Был бросок не зря им
сделан страшной силы
и достойным приза.
Содрогнулась рама –
так истошно крыса
провизжала: «Мама!»

***

Ладит ручку к ржавой лейке
терпеливый садовод
на участке, на скамейке,
под рябиной, у ворот,

накормив собаку Жучку,
на затылок сдвинув кепку,
рассмотрев на небе тучку,
на земле – жука, медведку,

грозным шиканьем в малине
воробьям прервав пирушку,
подмигнув жене Арине,
слыша курицу-несушку,

замечая вслух, что внуку
отвезет ее яички,
время распознав по звуку
уходящей электрички...

Внук небритою щекою
вдавлен в жёсткую подушку,
извлеченным из покоя
возвращается в «психушку»

и пытается подняться,
трепыхается, бубня:
«Я не буду больше драться,
расфиксируйте меня!»

Но безмолвною луною
ухмыляется ночник.
Провожая звук слюною,
внук срывается на крик,

внук пронзает ночь глаголом,
создавая звук всем телом.
И опять его уколом
убивает кто-то в белом.

И опять оцепененье
монотонно зазвучало.
И опять стихотворенье
повторяется сначала.

***

Вдоль трассы тянется кювет.
Сродни кочевнику
по трассе катит драндулет
с Мытищ на Щербинку.

Точней – с Осташкова катит,
точней – в Остафьево.
Мотор, как бывший там пиит,
твердит: «Оставь его».

И курит женщина в ответ,
по масти – рыжая.
А вот оставит или нет,
убей, не вижу я.

***

Пальцем в атласе вожу –
гладкая страница.
Хочешь, город покажу,
где я мог родиться?

Если в атласе не врут,
есть в нем, между прочим,
пять заводов, институт
(мог быть мной окончен).

Видишь, связан он с Москвой
трассой федеральной.
Пишут: климат там сырой,
неконтинентальный.

Но хвалили мне его:
тихо, мол, и чисто.
Населения всего
Тысяч двести–триста.

В общем, город неплохой.
Мама там училась.
Мог бы он гордиться мной.
Но... не получилось.

***

Чайка была в отчаянье.
Море играло бликами.
Чайка его урчание
Перекрывала гиками.

Было в них что-то нужное.
Было в них что-то важное.
Что-то не слишком южное.
Что-то совсем не пляжное.

Люди вращали лицами.
Но от еды, от зноя ли
Были они тупицами
И ничего не поняли.

***

Был бы я деревом – ждал бы я осени.
Гравий аллеи и доски скамеечек
медью осыпать не горестно вовсе мне.
Лёгок отлёт вертолётников-семечек.

Был бы я деревом в ясности остуди,
как благодарно топорщил бы к небу я
ветки пустые: ну вот он я, Господи.
Просто стою, ничего не требуя.